

***Василий Афанасьевич Воронов** родился в 1948 году в хуторе Ющевка Землянского района Воронежской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал сотрудником районной газеты, редактором Ростовского книжного издательства, главным редактором журнала «Дон». Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии имени Виталия Закруткина (1997). Автор многих книг прозы, изданных в Ростове-на-Дону. Живет в станице Старочеркасской Акасайского района Ростовской области.*

Василий Воронов

ДВА ЕГЕРЯ

Повесть

Посвящается памяти Б.А. Нечаева

Несколько лет я работал в районной газете в старом русском селе Верхне-Ольховом.

Дом, в котором размещалась редакция, строился еще в довоенные годы: саманные стены, снаружи и внутри обмазанные глиной и чисто выбеленные, маленькие двойные рамы, жестяная, наполовину прогнившая кровля с резными водосточными трубами, хилое крылечко, оплетенное диким хмелем, с низким перильцем и тремя каменными вытертыми ступенями.

Перед окнами стояли редкие в здешних местах березы, летом густо зеленевшие, осенью и зимой долго терявшие коричневые, твердые, как пули, сережки. Во дворе, отгороженном высоким дощатым забором, был кирпичный гараж, в котором стояли газик и мотоцикл «Урал».

Все необычно и ново было для меня в стенах редакции: и огромный двухтумбовый стол в маленькой комнате с репродукцией картины Саврасова «Грачи прилетели» на стене, и вытертые скрипучие половицы, и допотопный угловатый телефон, и даже воздух, пропахший пылью старых бумаг, канцелярским клеем и типографской краской.

Чуть не каждый день ездил я на отдаленные фермы, на полевые станы, в степь, к гуртам и отарам. Особенно любил осеннюю пору, когда на полях еще кипела работа: возили и скирдовали солому, убирали кукурузу и подсолнечник, пахали зябь и черные пары.

В пути попадались заброшенные хутора — с садами и тополевыми левадами. Они еще оставались в целости, но грустно было видеть крестнакрест заколоченные ставни, лебеду под самые крыши, перебитый надвое журавель колодца или голые ребра беседки.

В больших селах с широченными запущенными улицами в глазах рябило от ленивых, лоснящихся жиром гусей. Гуси дремали на обочинах дороги, теряли пух, и его корабликами носило по лужам и озерцам. Отовсюду пахло соленьями и вареньями, в каждом дворе дымили горнушки, сутились женщины и детвора, на гумнах складывали в высокие копны ячменную солому, сверху укрывали толем. Копали картошку. Все больше женские платочки белели на огородах. Ребятишки сносили в кучи желтые пудовые тыквы. И только праздные люди, гости и отдыхающие, одиноко бродили по берегу речки с удочками и раколовками.

Ранней осенью бывает короткая удивительная пора. После первых — уже не летних, но еще не холодных — дождей вдруг зазеленеют бугры и балки. Нежная мурава густо лезет сквозь пожухлый пырей, жесткий остистый типчак, сквозь застарелый бурьян. В пойме, в левадах, по склонам балок появляются множество поздних полевых цветов. Они наверставают, догоняют уходящее тепло, собирают последнюю красоту. Наверное, потому они так свежи, так пахучи и так чисты. В воздухе летает паутина. Добрая примета. «Много тенетника — долгая осень». «Осенний тенетник — на ведро». Паутина везде: на былках трав, на головках татарника, на кустах. Тянется, словно пряжа, вспыхивает, играет на солнце, садится в черные, маслянисто-комковатые гребни пашни. Солнце устоялось. Воздух чуть дрожит — тихо. Горизонт ясен. Осторожная, незаметная, крадется осень.

В один из таких дней поехал я на редакционном «Урале» в хутор Лебяжьей Коса, в охотничье хозяйство Михаила Михайловича Недогонова. Дорога шла между вспаханными полями, через неглубокие выцветшие балки. По многолюдным хуторам, мимо бригадных дворов, густо заставленных комбайнами, сеялками, культиваторами, иногда поднималась на лысые бугры, с которых в сизой наволочи далеко виднелись села, сады, пашни, лесопосадки, дороги.

Мотоцикл легко, почти беззвучно, катился по гладкому, с металлическим отливом, полотну асфальта, хорошо было чувствовать на щеках упругий свежий ветер. Часа за полтора, наверное, доехал я до безымянной речки, от которой уже начинался пойменный лес — хозяйство Недогонова.

Охотничьи угодья в Лебяжьей Косе расположены на нескольких десятках тысяч гектаров: в балках, оврагах, приречной болотной мочажине, в карликовых степных лесах, в пересыхающих, заросших камышом озерах, среди песка и солонцов.

За короткий срок Недогонов создал здесь, как выразился один журналист, ковчег. Вокруг этого ковчега — густо заселенные хутора, станицы и рабочие поселки, дороги, животноводческие фермы и комплексы, распаханная и ухоженная степь.

Кроме местного зверья и птицы — зайцев, лисиц, сурков, енотовидных собак, хорьков, ондатр, куропаток, стрепетов, дроздов, удонов, —

Недогонов завез в Лебяжью Косу оленей, косуль, лосей, диких кабанов, фазанов, филинов, соколов, горностаю, норку. И все это ужилось, стало размножаться.

Как ему это удалось? И это ведь был не заповедник. Это было охотничье хозяйство, где, по правилам охоты, стреляли и убивали дичь. Из райцентра и из области приезжали с лицензиями на отстрел кабанов, лосей, устраивали облавы на волков. Слухи о баснословных количествах дичи в Лебяжьей Косе распространялись повсеместно, и от охотников не было отбоя.

К Недогонову приехал известный ученый-биолог, один из авторитетов природоведения, семидесятилетний сухой немногословный старичок. Профессор этот за три дня, пока осматривал хозяйство, вел себя так, будто не он в гостях у Недогонова, а Недогонов у него. Подозрительно и сердито поглядывал на хозяина, слушал его недоверчиво, все больше ходил в лес, лазил по кустам, часами просиживал в специальных шалашах, наблюдая за зверьем.

Недогонов возил его по самым глухим местам, по чащобам, показывал едва приметные среди опавшей листвы бетонированные ямки-кормушки и поилки, песок-галечник для фазанов и при виде дичи короткими восклицаниями как бы подтрунивал над «ревизором».

— Эк, красавица какая! Вышла, умница, на гостей поглядеть! — приговаривал он, показывая косулю на опушке, напряженно застывшую в струнку, вытянувшую длинные точеные ноги и сторожко поведившую маленькой красивой головой.

В другом месте, вспугнув зазевавшегося русака, Недогонов на ходу открывал дверцу и свистел в пальцы.

— Эк, эк, эк! Лентяй! Брюхо-то отпустил, как у бабака. Попадись мне в другой раз!

Дикую свинью с поросятами, не уступавшую дороги, он долго и ласково уговаривал:

— Ну что ты, матушка, заартачилась? Ступай домой, уводи деток. Вишь, важничает. Ну! Эк, вредная!

Свиное животное величиной с годовалого теленка, наклонив длинную морду, замерло перед машиной, поблескивая маленькими вдавленными глазками. Потом, легко, невесомо развернув двенадцатипудовое тело, глухо рыкнув, мамаша с выводком скрылась в терновнике.

Профессор молча и как бы украдкой черкал что-то в блокноте, закладывая между страницами былки трав, высохшие семенники, зарисовывал. Только однажды он дернул Недогонова за рукав и почти в ухо ему выкрикнул старчески сиплым фальцетом:

— Биоценоз-то, биоценоз! Он столетиями складывается, а вы что сделали? Как это можно?!

И кряхтел, гнездилс на сиденье, как курица, пришептывал что-то прыгающими, словно от негодования, губами.

Когда же настал день отъезда, профессор наконец заговорил. Голос его был глух, невнятен: старику было неловко перед Недогоновым за «инспектирование».

— То, что вы сделали, коллега, уникально... Да, это уникально. Ваш опыт — это редкий, может быть, исключительный случай. Я завидую вам. Вы работаете за целый институт...

Профессор уехал, а через месяц в одной из центральных газет появилась его статья о Лебяжьей Косе, после которой Недогонова заметили.

Журналисты зачастили в Лебяжье Косу. Пошли рассказы о зайцах, о фазанах, которых Недогонов отлавливает тысячами и продает в разные области. Писали о его удивительных фотографиях птиц и зверей. Телевизионщики сняли фильм о работе охотничьего хозяйства. Статьи самого Недогонова напечатали два-три толстых журнала. Одним словом, Михаил Михайлович стал человеком известным.

К дому Недогонова я подъехал с трудом: дорога от речки среди старых дуплистых верб была сплошной песок. На взгорках и увалах намело дюны; они поросли редким камышом и остролистым змеиным луком.

На краю хутора, у самого леса, на бугре, стоял высокий флигель с широким деревянным крыльцом с балаясами. На крыше была надстроена наблюдательная будка. Во дворе, огороженном штакетником и металлической сеткой, двумя рядами стояли клетки, маленькие загоны, клетушки с разными зверьками и птицами. По двору, густо заросшему кудрявым спорышем, мирно бродили вместе с павлинами крупные белые куры. Из глубины двора слышался растревоженный горловой клекот какой-то хищной птицы.

Навстречу мне к калитке вышла Александра Николаевна Недогонова, крупнолицая черноволосая женщина в вельветовой куртке и вязаном берете.

— Здравствуйте! — сказала она приветливо и, как мне показалось, излишне громко. — Михаил Михайлович велел вас встретить, он скоро будет. Пойдемте в дом.

Она завела меня с заднего хода в длинную, просторную и хорошо освещенную комнату. Я огляделся. Посередине стоял большой, почти во всю комнату, самодельный некрашенный стол, возле него — простые стулья с высокими спинками. С одной стороны стену от пола до потолка занимали стеллажи с книгами, с другой — шкафы с журналами, папками, связками газет и альбомами. На шкафах стояли чучела дикой утки, сизоворонки, удода, совы и цапли. На подоконнике в высокой деревянной вазе пестрел целый сноп павлиньих перьев. На маленькой этажерке в углу матово отсвечивал бронзовый бюст Шолохова работы Вучетича. Комната походила на кабинет ученого-естествоиспытателя.

Александра Николаевна достала большую папку, положила передо мной.

— Посмотрите пока фотографии, а я схожу за Михаилом Михайловичем. Он с утра в шалаше сидит, стрепетов караулит.

В дверь заглянули две стриженные головы, как две капли воды похожие друг на друга. Блестящие глаза глянули на меня по-птичьи быстро и любопытно.

— Мам, — сказала одна из них, косясь на меня, — мы пойдем батю сменим.

Мать кивнула, и головы исчезли.

— Ребята наши, — с улыбкой и не без гордости сказала Александра Николаевна. — В шестой класс ходят, близнецы. В лесу день и ночь пропадают. Иной раз ругаюсь с ними: школу забывают. По правде говоря, и не хочу, чтоб они тут, в лесу, остались. Да что поделаешь! Отец слышать не хочет, смену себе готовит. Вот поглядите, какой у них ералаш.

Александра Николаевна провела меня в соседнюю комнату, которую занимали ребята. Действительно, она походила скорее на мастерскую. О том, что здесь спят, напоминали только две кровати, аккуратно застеленные, с кружевными накидками на высоких подушках. На стенах висели

ружья, фотоаппараты, фотографии птиц и зверей. В одном углу стоял стол, походивший на верстак, на нем были маленькие тисы, наковаленка, ворох книг, увеличитель, поделки в виде звериных морд, искусно вырезанные из черноклена. Тут же валялись акварельные краски и листы бумаги с набросками не то филина, не то совы. Между столом и стенкой лежала целая гора различных капканов — трофеи, которые ребята аккуратно собирали. На окнах стояли несколько чучел, букеты ковыля, бессмертников и камыша. На стенах висели портреты Дарвина, Пржевальского и Миклухо-Маклая.

— Полбиблиотеки отцовской уже прочитали, — вздохнула Александра Николаевна. — Да будет ли толк? Я все думаю: ум-то у них еще детский. Подрастут — другие интересы появятся. Возраст сейчас у них такой — характеры ломаются. Думаешь-гадаешь, что из них выйдет? Ну да что уж... лишь бы войны не было.

В одном из шкафов под стеклом я обратил внимание на фотографию: на скошенном поле, у края пахоты, стояла девушка — в свитере под горло, широкой юбке и высоких ботах с пряжками. Сведенные у переносицы брови и капризно сжатые губы придавали ее свежему, молодому лицу выражение избалованного ребенка. Девушка была очень похожа на Александру Николаевну.

— Да, — подтвердила хозяйка, заметив мое любопытство, — это в первый год работы в Лебяжьей Косе. Михаил Михайлович сфотографировал. Мы ведь как недруги сошлись. — Она засмеялась каким-то особенным, счастливым смехом. — И какая война у нас была! Я вам как-нибудь расскажу.

Во дворе послышались шаги, по деревянным ступенькам застучали каблуки. Вошел Михаил Михайлович с каким-то сундуком в руках.

— Снял! — сказал он прямо с порога и протянул мне руку. — Здравствуйте! Можете поздравить с редкой удачей: выследил целый табун стрепетов. Позировали мне полчаса, как артисты.

Михаил Михайлович был высок ростом, плечист, быстр и шумен. Бросался в глаза его высокий угловатый лоб, твердые сильные губы и будто точеный шишковатый подбородок. От всей его фигуры веяло силой борца, атлета.

Я спросил, как он снимал стрепетов.

— У меня особая технология и аппараты особые, — строго и не без некоторого хвастовства сказал Недогонов. — Все делаю самым партизанским способом. Вот мой снаряд.

Он раскрыл сундук. В нем лежала толстая, массивная труба с медными кольцами длиной, наверное, около метра.

— Это трофей, подзорная труба с военного корабля. Надежная вещь! Оптика великолепная. — И, видя мое удивление, пояснил: — Дело немудреное. Я тут только затворчик приспособил да на ползки посадил. Ну и штатив подобрал. Простое дело.

Недогонов уложил трубу в сундук и повел меня в свое «фотоателье».

Мы прошли по просторному коридору и очутились в темной комнате. Щелкнул выключатель: вся комната была завалена подобного рода сундуками и штативами. На полках лежали старые антикварные фотокамеры, объективы в черных кожаных футлярах, фотобачки, ванночки. На огромном, грубо сколоченном из простых досок столе стояли два больших увеличителя. Пленки, скрученные спиралью, висели тут и там. Поражало количество фотоаппаратов; их было, наверное, не меньше трех десятков.

Недогонов снисходительно улыбался.

— Тут все мое богатство. Книжки да фотоаппараты... все, что нажил. А вы слышали, меня ведь записали чуть ли не впервые фотографии-анималисты! Недавно получил приз — полкило бронзы в малиновом бархате от одного международного клуба.

Все в этой комнате говорило о повседневном кропотливом и бессонном труде: почерневшие использованные растворы в ванночках, распечатанные пачки фотобумаги, скомканные испорченные листы — тот известный беспорядок, который создается в дни напряженной, непрерывной работы. На столе стояла недопитая чашка крепчайшего чая и какие-то таблетки. Недогонов угадал мои мысли.

— Днем снимаю, а ночью пленки проявляю. Другого времени нет.

Он стал расспрашивать, откуда я родом, кто мои родители, где учился, чем занимаюсь, что пишу. Слушал внимательно и цепко, оценивающе поглядывал на меня, будто прикидывал: «А ну-ка, что ты за человек? Говори, говори, я, брат, вижу. Я стреляный воробей. От меня не скроешь...»

После «экзамена» он заговорил ласковее и смеяться стал добродушнее. Наконец спросил, что бы я хотел посмотреть в Лебяжьей Косе. Я сказал, что полностью полагаюсь на хозяина. Недогонов на минуту задумался. Опять его взгляд колюче, цепко и даже, как мне показалось, подозрительно ощущал меня. «Не доверяет, — невольно подумалось мне. — Видно, есть что-то, что он не всем показывает».

— Сейчас мы пообедаем, а потом вы посмотрите кое-что из моих архивов. Вот в этих шкафах, — Недогонов показал на полки, — я собрал ежедневные фенологические записи за двадцать с лишним лет. Тут же и мои записки о Лебяжьей Косе. Кое-что из них я опубликовал. Ну и фотографии посмотрите. Во дворе можете познакомиться с моим зоопарком. Я после обеда поеду к начальству, кое о чем договориться перед началом охотничьего сезона. Ночевать будете в домике охотника, в лесу. Отличное место. Там рядом егерь Фомин живет, познакомьтесь. Вечером шофер отвезет вас.

Есть нечто таинственное и захватывающее в знакомстве с библиотекой интересного, деятельного человека. Вы берете в руки книгу, на последней странице проставлено время и место ее приобретения. Вы перелистываете страницы. Подчеркнутые слова, короткие заметки на полях, особо помеченные места ведут вас вслед за мыслями хозяина книги. Многое открывается вам в этих мимолетных заметках: и интересы этого человека, и его осведомленность о прочитанном, и его отношение к нему, и ирония, и восхищение, и даже настроение.

Страница за страницей, книга за книгой — и перед вами вырисовывается неизвестная вам, скрытая жизнь. Что выбирал он для своего ума и сердца, что созвучно было его мыслям, что он любил, какими книгами особенно дорожил, что отвергал, с чем спорил? Пометки на страницах хранят восторги и сомнения, радость, гнев и бесстрастность. Вы находите в книгах исписанные закладки, вырезки из газет, фотокарточки, адреса, высохшие цветы. И все это вызывает у вас новые мысли.

Долго я листал книги Недогонова: собрания сочинений Гоголя и Аксакова, Тургенева и Толстого, Шолохова, пожелтевшие тома Тимирязева, Брема, Реклю, Дарвина, Линнея, Фабра, Лоренца, Сабанеева. Здесь же и Красная книга СССР с множеством закладок. Каждый том был основательно проработан Недогоновым. «Вот он каков! — думал я. — Многие-то до сих пор считают его простаком, фотографом-любителем».

Потом я начал смотреть фотографии. Их было великое множество. На первый взгляд, везде одно и то же: зверье и птицы. Но сколько подробностей в каждой снимке! Вот дрофа, спокойная, величавая, в брачном наряде, с перьями в носу. Как можно было снять вблизи такую чуткую, пугливую и, наконец, редкую, вымирающую птицу? Вот иволга кормит красноротых птенцов. Гусеница гарпия на виноградном листе. Упастая сова-мать с мышью в клюве перед великовозрастным птенцом. Лисенок поедает яйца стрепета в гнезде. В каждой снимке присутствовала та неповторимая первозданность дикой природы, подобия которой нет в снимках из зоопарков или даже заповедников.

Из огромного архива редких снимков Недогонова до сих пор опубликовано лишь несколько. Только в последнее время его стали осаждают издательства и журналы. Недавно начали печататься и записки о Лебяжьей Косе. В рукописях они занимают пять толстых тетрадей.

Листая эти тетради — и потом просматривая семейные альбомы, — я невольно стал думать о Недогонове и вспоминать все, что мне было известно о прежней его жизни. Много я слышал от Александры Николаевны, от старых работников лесхоза и хуторян, с которыми мне часто приходилось встречаться по работе.

Приехал Недогонов в хутор в начале семидесятых годов. Пошел работать в колхоз трактористом.

Пригласили его как-то на свадьбу — механик в лесхозе женился. На второй день свадьбы, как водится, были ряженые, катанье тещи в возке, трое-четверо местных силачей боролись. Дело дошло до драки, гости кинулись разнимать, долго возились с ними, потом долго пили мировую.

Среди гостей были кавалеристы. Двое из них заспорили, кто проскачет вокруг левады на необъезженном жеребце Мальчике из лесхозовской конюшни. Без седла, разумеется.

Привели Мальчика. Не чистых кровей, но видный был жеребец, орловской породы, его привезли из села Хреновое Воронежской области.

Жеребца и спорщиков тесно окружила толпа. Александра Николаевна, тогда еще двадцатилетняя девушка, недавно приехавшая в Лебяжью Косу по направлению главным лесничим, присутствовала при споре и была против состязания, которое, по ее мнению, могло плохо кончиться. Но ее уверили, что скачки и джигитовки в хуторе — дело обычное и объездка лошадей вовсе не опасна.

Первым вызвался лесхозовский шофер Гаврилов, проворный, жилистый казачок. И лицо, и шея его, и уши, и даже маленькие костистые кулаки были пунцово-красны от самогона и от возбуждения. Он, как и Мальчик, не стоял на месте, а так и ходил, так и пританцовывал, приседал, встряхивал головой и при этом азартно доказывал что-то своему сопернику, молчаливому и мрачноватому на вид леснику Трегубову.

Взяв повод, Гаврилов долго прицеливался и, выждав, по-кошачьи прыгнул на спину Мальчику. Растревоженный, испуганный толпой жеребец заметался на месте, скакнул вбок, присел на задние ноги и свечкой встал на дыбы. Гаврилов клещом впился в холку и только усмехнулся. В толпе засвистели, кто-то крикнул: «Молодцом!»

Мальчик, высоко задрав голову, нервно заплясал. На лоснящейся свинцово-тугой шее, на широкой комковатой груди, на высоких сухих ногах жгутами вздулись вены. В расширенных антрацитных черных глазах кипела бешеная ненависть к человеку. Раздувшиеся влажные ноздри прыгали, нежная, шелковистая кожа на храпе собралась в гармошку,

обнажив снежно сверкающие крупные зубы и кованую сталь запененных удиц.

Гаврилов попустил повод, и Мальчик прыжками кинулся вперед, высоко вскидывая зад, мотая низко нагнутой головой, норовя грызнуть всадника за колено. Железо опять врезалось в губы, жеребец запрокинул голову, завертелся юлой и резко встал на дыбы. Гаврилов свалился под копыта. Толпа ахнула. Гаврилов, прихрамывая и ругаясь, подошел к Трегубову.

— Зверь! — сказал он с восхищением.

Александра Николаевна стала уговаривать Трегубова не мучить животное, она заикалась от волнения и беспреестанно комкала и наматывала косынку на руку.

Трегубов, кривоногий, ширококостный, в хромовых сапогах и черной сатиновой рубашке, медленно расправил усы, поплевал в толстые ладони, возбужденно потер ими и насмешливо посмотрел на Александру Николаевну.

— Счас спытаем, что он за зверь!

Он сел на Мальчика не так ловко, как Гаврилов. Но что-то пауچه было в его посадке. Сильные ноги клещами обхватили запавшие, взмыленные бока жеребца, грудью лесник почти лежал на холке, широко расставив локти. В квадратных волосатых кулаках он намертво зажал сыромятный ремень повода и не попускал его, а резко дергал, рвал удилами губы жеребцу, хрипло шептал:

— У меня не побалуешь...

Лицо лесника словно сжалось в тугой комок, усы включились, скулы побелели.

Мальчик неловко, боком ходил по кругу, рыл копытами землю, судорожно всхрапывал, ронял с окровавленных губ розовую пену. Обезумевшие глаза его таили дикую, неукротимую силу. Он собрался весь как стальная пружина, под мокрой блестящей кожей волнами перекатывались тяжелые связки мышц. У Трегубова кулаки побелели в суставах. Струной натягивая повод, он заламывал голову жеребцу, и уже не розовые, а красные хлопья падали с удиц.

— Этот его уводит, — спокойно сказал кто-то из толпы.

Мальчик все тяжелее всхрапывал, все чаще припадал на задние ноги, мыло собиралось в пахах, и они подрыгивали, дрожали. Жеребец стал запаленно метаться взад-вперед, становиться на дыбы, вскидывать задом. Земля вокруг была изрыта.

Трегубов чуть ослабил повод, и Мальчик понес. Он точно вырвался из невидимой клетки и большими прыжками кинулся прямо на толпу. Люди едва успели разбежаться, жеребец, с заломленной головой, ничего не видя перед собой, грудью ударился о плетень и тяжело свалился в канаву. Всадник кубарем откатился метров на двадцать.

К лошади быстро подбежал человек в военной форме, взял повод. Жеребец вскочил на ноги, рванулся. Человек удержал его, что-то резко крикнул и стал говорить, охлопывая взмыленную шею. Человек этот был Недогонов.

Жеребец нервно переступал ногами, дрожал всем телом, косился испуганным кровавым глазом. А человек все говорил и поглаживал. Мальчик успокоился, позволил себя разнуздать. Недогонов ловко, пружинисто вскочил ему на спину и — точно век там сидел — шагом тронул к лесхозу...

Через день Александра Николаевна разыскала Недогонова на зяби, за хутором. Она ехала на бедарке, неумело и высоко перед собой держа вожжи, часто покрикивая на ленивого низкорослого меринка. Ни кнута, ни даже хворостинки у нее под руками не было, и поэтому меринок всегда возил ее шагом, что огорчало девушку чуть не до слез — она везде опаздывала.

Недогонов приглушил трактор, спрыгнул на стерню.

— Здравствуйте! — сказала Александра Николаевна весело и, робея, протянула руку. — Я вас второй день ищу.

Она была в вязаном толстом свитере под горло, в широкой черной юбке и высоких ботах с пряжками. Свежее, крепкое и румяное, как с мороза, лицо ее так и занялось. Недогонов с удовольствием пожал ее маленькую руку.

— Рад познакомиться! А то только и слышать: главный лесничий, главный лесничий! Я всегда позже всех хуторские новости узнаю.

Александра Николаевна улыбнулась:

— Это мне о вас все уши прожужжали: Недогонов, Недогонов! Да что, я и сама видела, как вы вчера Мальчика приручили. Вы знаток лошадей и, наверное, смелый человек?

— Нет, навряд ли...

— Знаете что, — сказала девушка, сводя брови и пристально вглядываясь в Недогонова, и эти быстрые переходы от веселости к смущению и серьезности забавляли его, — я хочу пригласить вас на работу к нам в лесхоз... Нам нужен такой человек, как вы.

Недогонов сел в борозду на рассыпчатый гребень чернозема, испещренный белыми прожилками перерезанных лемехами корней трав, взял ком земли и стал мять его в ладонях, снизу вверх поглядывая на Александру Николаевну.

— Какая же у вас работа?

Александра Николаевна стала горячо рассказывать:

— Я привезла обширный план по закладке в пойме, в урочищах и на песках делового леса...

— Что же вы посадите?

— Вот на этом месте, — Александра Николаевна показала рукой на пойму, — будет расти тополь, ясень, клен канадский, ольха серая. А дальше по песку рассадим сосну.

— Значит, наши леса не годятся?

— А какой с них толк? Карликовый дуб, караич, черноклен покручены. Сами знаете, черт ногу сломит. Десятки гектаров заняты бог знает чем: кислицами, боярышником, малиной, терновником, бурьяном... Все это раскорчует, освободим землю, и через десять — пятнадцать лет здесь будут боры и рощи, как в Подмоскowie.

— Так... А кто этот план составлял?

Александра Николаевна, чуть смутившись, не без гордости, впрочем, сказала:

— Это мои разработки.

Недогонов помолчал. Он как-то поскуцнел в одну минуту, с силой стал швырять комья в железные колеса трактора.

— Откуда вы родом? — спросил он вдруг жестко.

Александра Николаевна посмотрела на него недоуменно, тоже взяла ком земли и тоже стала мять его своими тонкими белыми пальцами.

— Я родилась в Землянске Воронежской области...

— Ну, вот и сажали бы там свои разработки. — Недогонов по-лошадиному фыркнул. — Там и земля благодатнее.

На свежую борозду слетелись грачи. Один, крупный, важный, с толстым блестящим клювом, широко и косолапо переступая, подошел близко и, вертя маленькой приплюснутой головой, с любопытством разглядывал глазами-бусинками людей.

— Вы отказываетесь у нас работать, или у вас другие соображения насчет леса?

— Нам и этот хорош, — буркнул Недогонов и встал. — Шило на мыло переводить...

Прямо над головами, посвистывая крыльями, пронеслась стайка чирков. Недогонов и Александра Николаевна проводили их взглядом.

Недогонов кивнул на болото, куда сели утки:

— А с этими как быть? Не обдумали в разработке? Со всей нашей дикой живностью, а?

Александра Николаевна надула губы.

— Живность ваша останется, не беспокойтесь. Еще больше разведется.

— Каким же манером?

— Не язвите. А если временно поубавится зайцев и грачей, то ради настоящего леса, я уверена, никто об этом жалеть не будет.

Недогонов внимательно и оценивающе посмотрел на Александру Николаевну. «Неужели и вправду ей отдали на откуп это дело?» — недоумевал он.

— Запомните одно, Александра Николаевна, — спокойно и холодно сказал Недогонов, — если вы начнете корчевать ягодные кустарники и кислицы, то я подожгу ваш лесхоз.

Александра Николаевна деланно рассмеялась, не понимая, в шутку или всерьез это сказано.

— С лесом дело решенное, Михаил Михайлович. Облуправление утвердило мой план. Лесхозу отпущены средства, техника. Буквально на днях начинаем раскорчевку.

Недогонов долго молчал. Обдумывал.

— Тогда, Александра Николаевна, я объявляю вам войну. Без утайки говорю: буду мешать вам.

— И я вам скажу: сделаю все, чтобы заложить новый лес.

— Посмотрим! — весело и зло сказал Недогонов.

— Посмотрим! — ответила Александра Николаевна.

Недогонов действительно объявил войну лесхозу.

Сначала он обивал пороги сельсовета и правления местного колхоза, но единомышленников не нашел. Тогда стал теребить районные власти. И тоже безрезультатно.

А лесхоз стал потихоньку окапываться. Десятки гектаров в пойме и на песках уже засадили новыми деревьями. Начали корчевать терновники. Кое-где распахали целинные участки степи с вековым бурьяном, с кочками жесткого, как проволока, типчака. Недогонов нашел там и сохранил как улики остатки гнездовой стрепетов, сов, куропаток, степных орлов. Он возил их в область, в управления лесничества и охотничьих хозяйств. Там выслушивали, соглашались, обещали поддержку. Но время шло, лесхоз набирал силу, а Недогонов отчаивался.

Тогда он принялся писать. Сколько бессонных ночей он просидел над тетрадками! Сколько передумал за эти ночи! Поначалу в его письмах преобладали эмоции, он не скупился на угрозы, призывал к совести, рисо-

вал мрачные картины опустошенной степи, ссылаясь на потомков: «Они нам припомнят каждого зайца, каждый куст бузины!», «Это нам даром не пройдет! Спихватимся, да поздно будет!» и т. д.

Потом он стал подробно излагать свой план сохранения пойменного леса, пустырей с зарослями бурьянов, лопухов, крапивы и ежевичника, особенно же — плодоносящих кустарников: шиповника, боярышника, маслины, терновника, дикой вишни, тутовника, дичков яблонь и груш. «Если все это взять в руки, то через четыре-пять лет зверье и птица будут кишмя кишеть, — писал Недогонов. — И в этих краях можно будет создать заповедник». Он подробно написал, каких зверей и птиц можно развести, в каких количествах и какая от этого будет польза, во что это обойдется местному колхозу и какая будет экономическая выгода.

План свой Недогонов переписал в две толстые тетрадки, показал его председателю колхоза. Тот полистал — без особого, впрочем, интереса — и, одобрительно крякнув, сказал:

— Действуй, Миша!

И Миша начал действовать. Он обошел добрый десяток областных организаций и ведомств, съездил к известному селекционеру-академику, депутату Верховного Совета. Депутат обещал обратиться в правительство, а для начала подготовил на основе плана статью в областную газету. Статья под названием «Не насиловать природу» была напечатана и наделала в Лебяжьей Косе много шума.

Лесхоз во главе с Александрой Николаевной объявил Недогонова врагом прогресса и ретроградом, поклонником дедовской старины. На него стали жаловаться, пытались даже в суд подавать. Но и у Недогонова появились единомышленники.

Депутат сделал запрос в одно из министерств, и оттуда прислали в область письмо с просьбой рассмотреть вопрос о целесообразности создания в Лебяжьей Косе охотничьего хозяйства. После неоднократных разбирательств, обсуждений, комиссий, проверок на местах Недогонова вызвали в область, дали ему печать, открыли счет в банке, выделили мотоцикл с коляской и сказали:

— Ты утвержден директором Лебяжинского охотничьего хозяйства. Посмотрим, что там сделаешь. Спрашивать будем по всей строгости.

Так началась история Лебяжинского охотничьего хозяйства.

И еще одно событие произошло в тот год: Михаил Михайлович и Александра Николаевна... поженились.

Долго тянулся низкорослый лес из дубняка, черноклена, кустарников. На дороге, несмотря на сухую погоду, попадались лужи, то и дело выскакивали зайцы. Я стал считать и насчитал около тридцати. Уши там и сям торчали из травы. Зайцы смело перебегали дорогу, садились на задние лапки, с любопытством рассматривая гостей. Фазаны, крупные, красивые птицы, в оперении с металлическим отливом, почти не боялись машины.

На повороте, где открывалась большая, с высокой травой поляна, мы увидели, как степной орел когтил зайца. Он камнем упал в траву, и оттуда послышался отчаянный заячий крик. Орел несколько раз взмахнул широчайшими дугообразными крыльями и скрылся в траве. По пути в самой чаще я увидел голубя-вахиря, сизоворонку и молодых удонов.

Машина петляла по лесным узким дорогам, наверное, с полчаса, и наконец, выехала на ровное место — на берег реки. В этом месте река была

довольно широкая, с желтыми круговинами камыша по всему логскому берегу. На пригорке, на самом высоком месте, среди высокой приречной ольхи, приземистые и неприметные, были разбросаны постройки: длинный флигель, крытый под черепицу, длинные узкие сараи, сеновал, омшаник, баз. По широкому двору там и сям стояли очесанные копны соломы, две арбы, пароконный плуг, повозка, разный сельскохозяйственный инвентарь. Чуть в стороне, метрах в ста, стоял финский домик — домик охотника.

— Тут и живет Фомин. Это его владенья, — почему-то загадочно улыбаясь, сказал шофер.

К нам подошла женщина в туго повязанном по самые глаза платке, в больших резиновых сапогах. Она даже не взглянула на нас, отомкнула домик и сказала шоферу:

— Постель я приготовила. А ужин, как отделаюсь, принесу.

Шофер уехал.

Начало темнеть. Я зашел в домик, поставил портфель и огляделся. Помещение напоминало комнату приезжих в райцентре. Чисто выбеленные стены, простые кровати, стол, несколько стульев, потрескавшаяся печка, самодельный умывальник в углу. Я посидел и вышел во двор. Между домиком и флигелем Фомина была неглубокая балка с редкими тополями, вербами и ольхой по самому дну. Оттуда я услышал какие-то странные, хлопающие звуки и спустился посмотреть. Дно балки было широко огорожено металлической сеткой. Земля вся в норах, корни деревьев подрыты, между деревьями быстро перебежали небольшие черные зверьки. Нутрии. Их было, наверное, не меньше двух сотен — целая ферма.

— Гражданин! — услышал я за спиной голос. — Не пугайте животных, я им только корм раздаю.

Передо мной стояла хозяйка с двумя пустыми ведрами на руке, в халате с засученными рукавами. От ее взгляда мне стало неловко, и я ушел.

Было тихо, закат был ясен, воздух чист и свеж. Где-то за лесом слышался шум состава и низкий трубный гудок электровоза. Прямо над мной стайками пролетали утки, свистя крыльями, садились в камыши. Вечер опускался мягкий, полный лесных звуков. Ухнула вышь, и тотчас ей ответила другая. Жутко закричал сыч. Всполохнулись, застрекотали сороки. Заворковали голуби. Раздался резкий сухой хруст сучьев: к речке вышел огромный горбатый лось и стал пить. Уже почти совсем стемнело. Взошла Венера, и нестерпимо колюч был ее блеск в беззвездном небе.

Во дворе у Фомина заржала лошадь. Приехал хозяин. Я пошел навстречу. Из-за сеновала выскочили две огромные лохматые дворняги и, нагнув головы, молча кинулись ко мне. Я едва успел заскочить в домик и захлопнуть дверь. Вслед рванулся хриплый, захлебывающийся лай, собаки грызли и царапали когтями дверь. Жарко запахло псиной.

Я стал искать выключатель, ничего не видя в темноте. Приглядевшись, нашел на стене керосиновую лампу и спички на подоконнике. Снял стекло, зажег фитиль. Свет заколыхался, по стенам пробежали голубоватые тени. Руки у меня дрожали. Я встал и начал ходить по комнатке взад-вперед, успокаивая себя. Под полом зашуршало, что-то темное и быстрое пробежало из угла в угол. Из-под пола заскрипел сверчок.

Из коридора, лениво потягиваясь, зашел огромный рыжий кот, начал ластиться, мурлыкать. Я взял его на руки и стал гладить. Вдруг по-

казалось, чье-то лицо мелькнуло за окном: маленькие круглые глаза, большой нос, усы. Лицо приблизилось к стеклу и тотчас отпрянуло, слышались негромкие голоса.

Я вышел в коридор, прислушался. Было тихо. Я вернулся, прикрутил лампу и сел подальше от окна. Внимание привлекло ружье, висящее на стене. Я снял его, переломил — патронник был пуст. «Почему Недогонов послал меня ночевать сюда? — думал я. — Дом у него большой, уж на одного-то место бы нашлось. Что за человек этот Фомин? И эта женщина?..»

Не знаю, сколько времени я сидел так, погрузившись в раздумье. В дверь постучали, я молчал. Стук повторился крепче и настойчивее. Я подошел к двери и предательски робким голосом спросил:

— Кто?

— Открывай, — послышался сиплый и равнодушный бас, — ужин принесли.

На пороге стоял Фомин и уже знакомая женщина, его жена. Фомин был в егерской фуражке, брезентовой куртке и сапогах. Женщина держала в руках кастрюльку, чайник и еще узелок.

Вошли в комнату. Я прибавил свет в лампе. Фомин сел за стол, снял фуражку и стал барабанить пальцами по прикладу ружья. Я не знал, куда деть глаза.

Женщина молча поставила ужин на стол, строго глянув на мужа, сказала:

— Не расслаживай, люди ждут... — и ушла, с силой хлопнув дверью.

Фомин в упор разглядывал меня. Взгляд его был прям, смел и дерзок. Лицо сухое, жесткое, все в толстых складках, крепко продубленное ветрами, дождями, морозами и солнцем. Усы на вид словно и не усы, а щетина. Глаза глубоко вдавленные, прищуренные, с острым блеском, по звериному осторожные и быстрые. Не знаю отчего, но я не выдерживал его взгляда, мне становилось как-то тревожно, и по спине пробегал холодок. У кота, который караулит воробьев, видел я такое выражение глаз. Фомин улыбнулся, кулаком почесал усы.

— Поохотитца к нам али как? — спросил он, как мне показалось, насмешливо.

Я сказал.

— Та-ак... Значитца, писать про Недогонова. — Он неожиданно улыбнулся и покачал головой. — Что ж, про него есть что прописать, он с браконьерами люто вою-еть... — Фомин продолжал странно и напряженно улыбаться. — Про него тут много писали, из самой Москвы был один. Дюже грамотный. Рассказывал нам, как зайцев и фазанов в клетках разводить. Про все писали, а вот об одном молчать... Вот ты бы взял да и прописал.

Я вопросительно кивнул.

— Правду прописать! — лицо Фомина стало вдруг жестким. — За фотографии Недогонова хвалют и деньги платють, а кто фотографирует? Не знаешь? Рабочие фотографируют, а он денежки лопатой гребеть.

— Как рабочие?

— А так! Кто эти салаши и вышки делает? Кто их с места на место тягает? Все рабочие следом за Недогоновым ходють, в рот ему заглядывают. Теперь скажи — кто фотографирует? То-то! Правду надо писать!

Я возразил, что наблюдать и фотографировать зверей входит в обязанности работников охотничьих хозяйств.

— Поедом есть, загонял всех! — не обращая внимания на мои возражения, продолжал Фомин. — Корову не держи, поросят не разводи, утей-гусей — нельзя, нутриев или кроликов — нельзя. Никаких условий! Кто ж будя в лесу дуrom жить?

— Разве у вас нет живности?

Фомин замялся.

— Держим помаленьку... За то и война с Недогоновым. Он хочет, чтоб я только за зайцами ухаживал. Есть поедом, спасу нет. У самого жена белоручка, а на мою пальцем показывает. А моя-то больная, потому и не работает! Что ж равнять!.. Носются с Недогоновым! Вроде он тут зверя развел. А зверь, он сам размножается, только успевай стрелять. Лосей вон и кабанов столько, что бедствие, лес портют...

Опять в голосе Фомина почудилась мне ирония.

В коридоре звякнула щеколда, затопали сапоги, и в дверях показался маленький, щуплый мужичок в фуфайке и заячьей шапке.

— Степаныч, — обратился он к Фомину почтительно. — Гости веле-ли, чтоб вы скорейца шли.

— Счас.

Фомин встал. Мужичок исчез. Фомин усмехнулся, глянул на меня почти презрительно. И, крепко надвинув фуражку на глаза, с достоинством вышел.

Я сидел в недоумении. «Хорошо же живется Недогонову с такими работниками! Волк, настоящий волк! — думал я. — И глаза волчьи. Зачем Михаил Михайлович меня сюда ночевать направил?»

Я поужинал и, не раздеваясь, лег на кровать. Уснуть я не мог. Думал о Недогонове, о его хозяйстве, об Александре Николаевне, о братьях-близнецах Недогоновых, наконец, о Фомине...

Было слышно, как сонно, едва слышно шумит лес, как лепечет у крутого глинистого берега волна, как фыркают стреноженные лошади. Не знаю, сколько времени прошло, я уже стал задремывать, как вдруг со двора Фоминых послышался шум работающей машины. Я тут же вскочил и вышел во двор. «Наверное, Михаил Михайлович приехал». Машина, мелькая стоп-фонарями, уже скрывалась в лесу, я так и не разглядел, грузовая, легковая ли. Окна во флигеле Фомина ярко светились, входная дверь была распахнута настежь. «Гости!» — вспомнился мне мужичок в заячьей шапке.

— Проклятый! Подавись ими! — услышал я злой женский голос. — Чтоб я вот так... тьфу!

— Цыц, сука! — хрипло крикнул Фомин.

— Хватит! Намолчалась! Хлебнула сладкой жизни! Сыта богатством во как!

— Цыц!

— Не затыкай! Я тебе не батрачка! Два года ишачила, как проклятая, нажила капиталы. Будет!.. Господи, за что ты меня наказал! — В ночной тишине леса летуче отдавалось каждое слово. — Паук, всю кровушку выпил! В работниках живу, глаз от земли не подымаю! На таком хозяйстве впятером горбить надо, а я одна!

— Не вой! Шубу сошью, вот выделают шкурки...

— Не надо! Я вижу, куда ты гнешь... Два года живем, а регистрироваться не хочешь!

— Зарегистрирую... Ну! Дура!

— Вот! Дура выкармливает худобу, а ты денежки прикарманиваешь. Сколько счас за нутрий получил?

- Молчи! Студента (это обо мне) разбудить, у него и свет горит...
— Нехай послушает... Может, пропишет про тебя, куркуля. Он и приехал за тем, ты думаешь что?
— А ты рада?
— Рада!
— Сука! — Фомин засмеялся. — Ну, будя, пошли спать...
— Ты меня не сучи! На хаханьки-то не сворачивай, хватит! Ищи другую дурочку. Схожу в сельсовет, нехай депутат разделит, что мы вместе нажили, возьму свое и уеду к матери...
— Вали хоть сейчас!
— Я Недогонову завтра пожалуюсь.
— Видал я Недогонова вместе с тобой!..
— Бессовестный!..

Мало-помалу перебранка стихла. Впрочем, она и не имела той силы, как мне показалось сначала. Дверь захлопнулась, свет погас, все замерло.

Я поехал от ночной сырости, глянул на небо: густо мерцали звезды, Млечный Путь, казалось, шевелился от их мерцания, и его хвост цеплялся за черные грядины леса. От дыхания шел пар, похоже было на первые заморозки. Я зашел в домик, лег и крепко уснул.

Разбудил меня Недогонов. Он довольно долго стучал кулаком по дощатой двери, пока я, наконец, протер глаза и сообразил, где я. Вместе с Недогоновым был Фомин.

Я вышел к ним. Солнце уже поднялось над лесом. Свежий, пахучий, озонистый воздух так и ударил в голову. Сизый слоистый туман стлался по двору, оседал в пожухлом, прикишем к земле пырее, в голых исчернивших бурьянах, в обильно орошенных, сверкающих на солнце метелках конского щавеля и полыни. Кусты, низкорослые деревца на широкой приречной поляне и дальше вся непроглядная гущина леса — все было еще в предраассветной дреме, во власти светящегося на солнце тумана. Вдоль по реке по-над свинцово-темной водой клубился молочный пар, вода, казалось, потяжелела за ночь, застыла. В ольхах на подворье, на самых верхушках, сонно сидели грачи, их было так много, что деревья походили на огромные черные зонты; ленивое карканье и трепыханье крыльев, слабый треск веток едва доносились оттуда. Из лесу слышался трубный крик лося, застрекотали сороки.

Недогонов был в куртке, с маленьким фотоаппаратом на груди. Личные резиновые сапоги его до колен в росе, с прилипшими к голенищам травинками. Он пошучивал, громко смеялся и крепко потирал свои большие руки.

Фомин держался позади Недогонова. Он был мрачен, угрюм и на меня поглядывал неприязненно.

Мы сели в «УАЗ» и поехали смотреть погибшего лося. По дороге Недогонов притормозил и, взглядевшись в колею, вдруг спросил Фомина:

— Это чьи следы?

Фомин блеснул глазами-лезвиями из-под лакированного козырька:

— Свояк вчерась приезжал...

— Это тот... браконьер?

Фомин покряхтел и сквозь зубы промямлил:

— Он... Лекарства бабе моей привозил.

— А ты? Кто зарекался, что не будет привечать этого браконьера?

— Чево попрекать?.. Говорю, лекарства привозил...

— А почему меня не попросил?

Фомин не ответил. Недогонов свернул с дороги и, подрулив к кустам, остановился.

— Далеко отсюда?

Фомин молча, по-кабаны попер вперед по молодому дубняку, ветви которого спутались и переплелись так, что нельзя было разобрать, от какого они корня. Согнувшись вдвое, мы пробирались за ним минут двадцать, пока не вышли на край неглубокого оврага, на дне которого били ключи.

По краю оврага шла небольшая ровная поляна с редкими объединенными кустиками шиповника. У самого леса из травы возвышалось что-то огромное, бурое, похожее на глыбу камня-песчаника.

Подошли ближе. Лось, красавец-великан, лежал на боку с неловко заломленной головой и в струну вытянутыми ногами. От шеи и до крутого горбатого загривка тянулся глубокий шрам, кровь запеклась черными комками. На огромных, точно корни старого дерева, рогах виднелись свежие царапины, широкий закругленный храп в глубоких ссадинах. В десяти шагах от лося земля была истоптана, а местами изрыта, кое-где виднелись следы крови. Здесь была смертельная схватка двух самых сильных в лесу самцов. Недогонов, став на колени, долго разглядывал зверя.

— Шейный позвонок сломан, — сказал он, поднимаясь. — А что, крика не слышать было?

— Слышать-то я слышал, — ответил Фомин. — Они кажин вечер ревать. Отседа шумели... Вечером я не глянул, а утром нашел готового.

Было что-то величественное в смерти богатыря. Он жил в лесу свободно, как царь: сильные ноги, крепкие, как сталь, копыта и острые, как копыя, рога защищали его от врагов. Он встретил лосиху и преданно охранял каждый ее шаг. Глаза наливались кровью и ноздри трепетали от гнева, когда он видел вблизи соперников. Они неохотно уходили, когда лось поднимал сверху огромную бородатую голову и из самых недр своего сорокапудового тела испускал протяжный рев. Но нашелся смельчак и не отступил, не испугался, а дерзко ответил боевым кличем. Самцы сшиблись на поляне, а безрогая молодая самка стояла в кустах и чутко вслушивалась в резкий костяной стук рогов, прерывистые хрипы, тяжелый топот. Расширенные ноздри ее дрожали, в глазах стоял страх и ожидание. Много раз разъяренные звери расходились и сшибались рогами, сцеплялись, а потом, напрягая могучие шеи, гнули друг друга к земле, ломали, били копытами. Наконец один рухнул, смертельно раненный. Победитель увел лосиху. Таков суровый закон леса.

Почти полдня мы ездили по лесу. Ни разу Фомин ничем не напомнил о вчерашнем. Меня он будто не замечал. С Недогоновым они говорили просто и даже дружески. Говорили о зимовке, о кормах, об отлове зайцев, о чесоточных лисицах, которых нужно немедленно истреблять, о браконьерах. Все они замечали: каждый шорох, каждый куст, каждый овражек. По своим приметам угадывали, какая будет зима, прикидывали, сколько нужно будет дополнительно выставить кормушек, сделать навесов. Кажется, ничего более не существовало для этих людей, кроме леса и зверей. Я не узнавал Фомина. Сейчас передо мной был рачительнейший хозяин, ревниво и пристрастно оберегавший свое хозяйство. Он смело спорил с Недогоновым, и тот нередко уступал, считая мнение егеря более обоснованным.

На одном из поворотов, где начинался лесной ерик, Фомин попросил остановить машину, легко спрыгнул с подножки.

— Я бы подвез! — сказал Недогонов. Фомин махнул рукой:

— Я напрыжик, на фазаний точок глянуть надо.

И пошел, косолапо раскачиваясь, втянув голову в плечи и глубоко засунув руки в карманы защитного прорезиненного плаща. Он не попрощался и даже не оглянулся.

Мы ехали некоторое время молча. Мне не терпелось услышать, что скажет Недогонов о Фомине. Но он молчал.

— Михаил Михайлович, а вы знаете, что ночью-то было?

И я рассказал о ночных гостях, о ссоре Фомина с женой, о нутриевой ферме.

— Это мне не внове, — неохотно отозвался Недогонов.

— Волк! И повадки волчьи, — не унимался я.

— По чему это видно?

— Да по всему! Во-первых, вас оклеветал, во-вторых, жену превратил в работницу, в-третьих... — Недогонов строго и вопросительно посмотрел на меня. — В-третьих, он просто кулак, куркуль... Нельзя же потакать стяжателью?

Недогонов многозначительно крикнул. И спина, и красный затылок, и большие руки, впившиеся в баранку, — все говорило о том, что ему неприятен этот разговор.

До усадьбы ехали молча.

На другой день рано утром я засобирался домой. Перепадал редкий нехолодный дождик, верховой ветер гнал, разрывал на части низкие пельные тучи.

Недогонов, в белой рубашке навыпуск, в резиновых калошах на босу ногу, свежий, крепкий, весь светящийся силой и здоровьем, задрал голову, смахнул ладонями с лица капли дождя.

— Ранний дождь — что ранний гость: попил чайку — и дальше пошел, — сказал он, лениво потягиваясь. — Через час солнышко выйдет.

Я выкатил мотоцикл. Когда все было готово, Недогонов крепко хлопнул меня по плечу и глянул в глаза своими веселыми, цепкими и чуть насмешливыми глазами.

— Насчет Фомина у меня свои правила... — сказал он чуть смущенно, точно извиняясь за вчерашнее. — Хищников приручаем, а тут человек. Нутрии и хозяйство... падок он на это. Там, по правде говоря, жена больше старается. Крепкий орешек, закомлелый... Но поддается. Поддается! А со зверьем — чисто дитя... — Недогонов неожиданно ласково улыбнулся. — На меня жалуется — это понятно: ревнует. Напечатать в газете фотографию косули или стрепета — это для него как от сердца оторвать. Не любит...

Недогонов говорил с теплотой, искренне, и я подивился привязанности его к грубому, как мне показалось, человеку. Вот, оказывается, для чего он отправил меня ночевать в домик охотника! И тогдашнее сомнение его теперь стало понятным. Хотел без подготовки «угостить» егерем, а заодно и прощупать, что у него увижу в нем и как увижу. Видимо, я разочаровал его, как, впрочем, и многие, кто торопился высказать впечатление от первого знакомства с бирюковатым егерем из Лебязьей Косы.

А может быть, Недогонов обманывается, и Фомин вовсе не тот, за кого он его принимает? Кто знает. Работают они вместе до сих пор.

На прощание Недогонов все же искренне пожал мне руку и сказал, как мне показалось, с тайным смыслом:

— По весне приезжайте, когда соловьи запоют. По весне и душа на соловьиный лад настраивается...